

ЭО, 2010 г., № 4

© В.А. Липинская. Рец. на: А. Анфимова. *Бывальщина: Быт и народные повествования липован Буковины*. Бухарест: Изд-во "CRLR", 2008. 399 с.

Книга Агриппины Анфимовой посвящена русским старообрядцам, проживающим на территории современной Румынии. Она написана фольклористом, но содержит немало этнографических материалов, на что указывает ее подзаголовок. Фольклор, как отмечает автор, пронизывает все стороны жизни народа, предоставляя "источниковую базу для научного анализа". Выход в свет этой книги знаменателен тем, что она представляет собой первую научную фольклорно-этнографическую работу, написанную местным исследователем и опубликованную местным издательством на русском языке.

Старообрядцы, покинувшие Россию в XVIII в. после церковных реформ и создавшие в Южном Подунавье многочисленную русскую диаспору, получили там наименование *липоване*. Отсюда часть липован переселилась в Буковину, находившуюся в XVIII в. в пределах Австрии (современные области Сучава и Ботошани в Румынии). Здесь старообрядцам удалось основать монастырь, возле которого появились четыре небольших селения. Статистика, приведенная в книге, показывает увеличение численности населения от XVIII к XIX в., что свидетельствует об успешности адаптации.

А. Анфимова анализирует материалы того исторического периода, который фиксирует память современных жителей. "Сведения получались путем метода прямого включения" (с. 21), – указывает автор, что подтверждает ее биография. А. Анфимова была "включена" в исследуемую среду со времени рождения в с. Климоуцы. Она не только выросла здесь, участвовала в жизни сельчан и могла наблюдать ее изнутри, но по окончании университета, уже как исследователь, оценила ее "взглядом извне". Автор записывала фольклор липован преимущественно в родном селении и в соседних населенных пунктах: с. Соколинцы, города Рэдэуцы и Гура Хумор. Наблюдения велись также в с. Белая Криница и г. Черновцы, находящихся на территории Украины. Их население имело сходные исторические судьбы, а жители до сего времени поддерживают связи со своими родственниками в Румынии, сохраняют общность языка и традиционной культуры.

Книга включает восемь разделов. Первые четыре составляют теоретическую часть, пятый – собранные автором тексты народных повествований, приговоров, духовных стихов и детского фольклора. В разделах с шестого по восьмой размещены "Примечания" к тексту, "Библиография", небольшое число фотографий – в основном портреты и групповые снимки (к сожалению, без указаний дат).

В первом разделе "Русские старообрядцы за рубежом своего отечества" А. Анфимова дает общую характеристику липован как локальной этнографической группы начиная с истории выселения из России. Как она указывает, на месте нового расселения возникла сложная этническая ситуация: "Буковина – это уникальное природное и культурное пространство, где рядом проживают этносы, сумевшие не только сохранить свою самобытность, но и внести свой вклад в формирование культурного облика края... Можно категорически заявить, что традиционная культура еще бытует там, где внутренняя миграция не вырвала поселянина насовсем из своей среды" (с. 86). Липоване в Буковине соседствуют с румынами, украинцами, поляками, немцами, в общении с которыми формировались особенности местной русской культуры. Основной вопрос, который задает исследователь в начале своей работы, – что именно способствовало устойчивости группы липован в Буковине на протяжении трех веков? А. Анфимова считает, что первостепенное значение имело осознание себя хранителями «неповрежденного православия, что накладывало определенные обязательства в выполнении древних христианских заповедей, во внутреннем быту и в трудовой деятельности, в отвергании чужеродного, сохранении "своего" традиционного. Этим обуславливалась первоначальная замкнутость быта» (с. 21).

Переселяясь в Буковину, липоване получили от правительства Австрии разрешение на пользование землями для основания монастыря и селений. "Четыре буковинских села, где липоване жили более или менее компактно..., – пишет автор, – представляют собой отдельные

социально-пространственные образования с замкнутой общностью, но с интенсивными междеревенскими связями... Эти связи были в первую очередь родственные..., религиозные... и в меньшей мере хозяйственные” (с. 26). Общим же объединяющим началом выступала высокая религиозность липован. В каждом селении были выстроены храмы с золочеными куполами и старинными иконами, привезенными некогда из России.

Внутренние и межселенные родственные и религиозные взаимосвязи создавали основу общинного общественного быта. Основой жизнеобеспечения было традиционное для русских полеводческо-животноводческое хозяйство. В местных условиях к традиционному набору культур среднерусской географической полосы добавилась кукуруза. Стало популярным и доходным садоводство (яблони, сливы, груши). Однако малоземелье вынуждало липован, помимо своих, обрабатывать сады местных жителей, развилось отходничество на земляные работы. Как сказано в одной из быличек, у местных жителей вошло в обычай определять наступление весны по появлению на дорогах липован с лопатами. Отмечены были также трудолюбие и высокая работоспособность русских старообрядцев, получивших шуточное название – “бородатые бульдозеры”.

Малоземелье определяло компактную застройку селений и усадеб. В домостроительстве, в конструкции и размещении жилищ и хозяйственных построек автор усматривает сохранение в основном общерусской традиции. Мы считаем, что точнее указать на общие восточнославянские традиции, что следует из приведенного описания. В срубном доме (хате) долго сохранялись такие архаичные черты, как земляной пол и мазаный потолок. Липованская печь (аналог русской печи) имела выход дымохода в сени, а оттуда – через отверстия в кровле (из дранки, соломы). При этом наблюдается некоторая специфика жилища, которая, по мнению автора, сложилась в результате заимствования “у местного населения, позднее от других этнических групп, мигрировавших из внутренних областей Австрии и Германии” (с. 27). К сожалению, конкретные примеры не приводятся. Среди хозяйственных построек А. Анфимова выделяет баню, замечая, что она, по народным представлениям, так же необходима, как молитва Богу, “так как была главной лечебницей от всех болезней” (с. 32).

Набожность липован автор подчеркивает в разделе о питании: молились перед приемом пищи и после, неукоснительно соблюдали посты, а пощение к тому же считалось благоприятным для здоровья. Отмечу, что к такому мнению присоединяются и многие современные медицинские специалисты. Пища липован, как описывает ее исследователь, представлена блюдами, обычными для восточноевропейского региона. Из особенностей отмечается более частое приготовление кваса фруктового, нежели хлебного. Упоминается название “драчуны”, характерное для белорусов, но в отличие от них – как сладкого блюда (“на яйцах и сладостях”, с. 35). Из напитков, кроме кваса, липоване заготавливали много вина, а водка появилась у них сравнительно поздно. Как чай местные жители употребляют травяные отвары, в частности с лечебными целями. Во время нашей экспедиционной поездки в Буковину (2009 г.) мы заметили, что липоване не пили ни индийского, ни китайского чая, и даже в лавках чай вообще не продавали, поскольку предпочтение отдавали кофе. Однако А. Анфимова надеется, что “со временем чаепитие станет своеобразным ритуалом” (с. 34). Возможно, автор предполагает дальнейшее сближение с русской культурой.

Соответствие с русской традицией выявляется также при описании одежды. “Характерно для буковинских липован то, что они не переняли одежду местного населения (румын и украинцев) и сохранили свой русский наряд, а позже переняли более современный немецкий костюм” (с. 35). В качестве русского автор обрисовывает общеславянский мужской и сарафанный комплекс женского костюма. Старообрядцы до сего времени сохраняют некоторые традиционные предметы одежды: для мужчин обязательным является ношение пояса (особенно при посещении церкви), для женщин – кички, надеваемой при венчании как символ замужества. Невозможно увидеть в храме женщин и девушек без головного платка, так как закрывание волос предписывается христианскими заповедями. Общеευропейский стиль одежды, по-видимому, пришел в Буковину из Германии (“немецкий костюм”), мужчины называют его *анцук* (от нем. Anzug). Во время своей поездки мы отметили, что женщины также называют современные юбки не по-русски, а по-румынски – *фуста* (*fusta*), т. е. влияние шло от разных этносов.

Заимствования от иноэтничных соседей со всей отчетливостью проявляются в особенностях речи. А. Анфимова пишет: “Язык русских липован хранит русскую архаику и включает

займствования из румынского, украинского, турецкого и даже немецкого”, что объяснялось необходимостью пополнения словарного запаса в условиях оторванности от родной среды (с. 39). Русским языком пользуются дома. “Родной язык является своего рода пограничной полосой между своими и чужими, живущими совместно” (с. 43). Однако условия современной жизни вынуждают липован все чаще обращаться к государственному языку страны, что ведет к обеднению и частичной утрате своего. Тем важнее, актуальнее становится собрание и изучение фольклора липован.

Дав общее описание культуры буковинских липован, А. Анфимова переходит к основной для нее теме – фольклору. Разделы со второго по четвертый посвящены рассмотрению теоретических вопросов фольклористики (“Фольклорные эпические повествования”, “Ритуал повествования”, “Виды фольклорных повествований”). Для этнографов в них представляет интерес то, что автор рассматривает фольклор как средство существования языка. Былички и бывальщины – жанры, выбранные ею для анализа, в большинстве непосредственно связаны с этнографической тематикой.

Былички представляют пантеон нечистей, хорошо известных в России, но кроме того, липоване включили в свой репертуар мотивы вурдалаков и различных духов из фольклора румын. Бывальщины имеют социальную и семейно-бытовую направленность. Они наделены нравственно познавательными и воспитательными функциями. Исследователь находит, что в этом, по сравнению с русскими, отмечается своеобразие, в частности, объясняющееся влиянием христианской догматики. Так, повествования, определявшие нравственные нормы поведения, наполнены запретительными нормами, связанными с понятием “греха”. «Окружив себя многочисленными запретами, человек живет не только в надежде заполучить “царствие небесное”, но живет и в спокойствии и в безопасности» (с. 120–121), – выражает автор мнение своих соотечественников.

Для воспроизведения фольклорных повествований требуется более или менее обширное общество. А. Анфимова классифицирует бытовые ситуации общения по следующим видам: а) мужская среда (круг общения в дороге и на привалах, мужская застольица); б) женское пространство (завалинка, лавочка у ворот, суженная среда женского общения, рассказы на религиозную тему, духовные стихи, апокрифы); в) общение в детской и молодежной среде; г) посиделки, вечерки; д) другие ситуации (балагурство, повествования во время отдыха на работе, повествования во время посещения покойников – имеется в виду посещение дома умершего перед похоронами).

Представляется важным, что классификация построена по наиболее существенному принципу половозрастного разделения общества, дополнительно учитываются место и время повествования. Хотя она не выдержана строго (пункты “в” и “г” можно объединить, в пункте “б” указаны темы и виды повествований, отсутствующие в других), тем не менее предложенная схема достаточно полно определяет среду бытования народных повествований, все варианты которых рассматриваются в книге весьма подробно. Анализ большого числа текстов позволил автору заключить, что в них “присутствует много бытовых и этнографических зарисовок” (с. 183), которые бесспорно являются источниковой базой и для этнографов.

Книга написана хорошим русским языком, стиль изложения доступен широкому кругу читателей. Специальные термины расшифрованы, и кроме того, имеется небольшой словарь диалектных слов и выражений.

Автор не ввел отдельного раздела “Заключение”, поскольку считает свой труд лишь началом большой работы по изучению устного наследия русских, волею судеб оказавшихся за рубежом отчества. Исследователь предполагает возможность создания свода “Памятники фольклора русских липован”. Считаю, что поставленная задача не только важна, но животрепещуща, так как русский язык уходит из употребления. Позволю себе заметить, что к планам местных филологов желательно добавить составление словаря липованских говоров, пока язык не утрачен окончательно. Смею надеяться, что, поместив в книге небольшой словарь, А. Анфимова частично уже приступила и к этой работе.